

что исследователи подходили к сведениям этих повестей без учета их эпического происхождения. Между тем, в основе генеалогии повестей о Николе Заразском можно усматривать характерное для художественной литературы переосмысление родственных отношений, вызванное желанием создать свои, отвечающие литературным требованиям генеалогические комбинации с целью подчеркнуть трагизм событий. Среди сыновей рязанского князя Ингваря Ингоревича летопись называет только Юрия Ингаревича (действующее лицо третьей повести). Восстанавливающий разоренную Рязань князь Ингварь Ингоревич в летописях не известен. Н. М. Карамзин считал Ингваря Ингоревича¹ внуком Игоря Глебовича — следовательно сыном Юрьева брата (то же — Д. Иловайский, А. Экземплярский, А. Пресняков), но в самой повести Ингварь назван не племянником, а братом Юрия (Ингварь находит „мать свою“ Агриппину Ростиславовну, она же по повести — и мать Юрия). По повести к „братии“ Юрия Ингоревича, кроме Ингваря, относятся также Давид Муромский и Глеб Коломенский (не известен больше ниоткуда и в древнейшей редакции не встречается), Кир Михайло Пронский (на самом деле двоюродный брат Юрия) и Олег Красный. Последний, повидимому, в действительности не брат, а племянник Юрия — сын Ингваря, упоминаемый в летописях под 1252 и 1258 гг. Эпизод с Олегом Красным во второй повести носит характер вставки (он вступает в различные отношения с основным текстом в редакциях основной А и основной В), сделанной на основании устных легенд, смешавших его с другим племянником Юрия — Романом. На самом деле Олег Ингаревич возвратился из Орды „на свою отчину“ в 1252 г. и умер в 1258 г. (см. Лавр., Симеон., Воскрес. и Никон. летописи). Между тем, сын Олега Ингаревича Рязанского князь Роман был замучен в Орде в 1270 г., и Симеоновская летопись сравнивает его мучение с мучениями Иакова Перского, — того самого святого, житие которого отчасти послужило образцом и для описания мученической кончины Олега Красного в повести. Таким образом, мы наблюдаем в цикле отчетливое стремление сблизить и упростить родственные отношения действующих лиц.

Из других „эпических“ неточностей повестей о Николе Заразском назовем и такую: князь Игорь Глебович (сын Глеба Ростиславича Рязанского) назван Игорем Святославичем Черниговским; рязанские князья называются внуками великого князя Святослава Ольговича Черниговского (и Киевского — отца Игоря Святославича). В этом странном искажении генеалогии рязанских князей можно отчасти подозревать какое-то стремление возвести генеалогию рязанских князей к герою Слова о полку Игореве.

Позднейшие наслоения и вставки в текст повестей разнообразны: они шли и от риторических произведений конца XIV—XV вв., и от местных легенд. Так, например, эпизод с пестуном князя Федора — Апоницея² —

¹ ИГР, т. III, гл. VIII, примеч. 358.

² В некоторых поздних списках переосмыслен как „Аполоница“ (см. текст).